

Плохой район

* * *

Раз в год выбираться к морю, чтоб убедиться — оно
еще существует, хотя и забыло давно
о тебе и о городе на берегу.
Раз в год выбираться к морю, как в детстве ходят в кино,
как в игре понарошку сдаются врагу.
Сдаюсь, ничего не могу.

Пляж совершенно пуст, не считая тебя самую, чаек и голубей,
первые ищут в песке, вторые — у кромки. Дней
через десять похолодает. Пока
можно ходить без пальто. С каждым часом небо все голубей.
Ветерок подует, и стягивает рука
лацканы пиджака.

В парке торговля свернута. Вертится лишь карусель одна
с единственным малышом. Вот и мама. Она
в зеленом плаще, на плече ремешок
черной лаковой сумочки, знавшей лучшие времена.
Все для ребенка. Карусель, лучший кусок,
апельсиновый сок.

Мама одна. По Аллее Славы ветер метет листву по прямой
от обелиска к больнице. Нужно справляться самой.
Остановить вращение, пока не продрог
ребенок, не оберешься хлопот, как прошлой осенью и зимой.
Скорей домой, по осенней Одессе, которую Бог
берег, да не уберег.

* * *

Высокие каменные заборы,
Глухими спинами дома повернулись к прохожим
нетрезвым людям. Заперты на запоры
железные ворота. Умножая, умножим

свое достоянье. Посторонние взоры
не будут его расхищать. Спальня украшена ложем:
стопка подушек лежит пирамидкой,
никелированные спинки кровати с шарами.
Где спрятаны деньги, никто не скажет под пыткой.
За ворота никто не выходит. Особенно вечерами.

Посередине двора — колодец. Вернее — цистерна.
Раз в три месяца туда заливают воду.
На дне, наверно, заводится всякая скверна
копошится, живет, не являя лица народу.

Потусторонний люд посторонним себя не кажет,
даже если лишнего выпьет — лишнего слова не скажет.
Деревца вырастают метра на три — от силы,
шелестят листвою: мы не просили,
чтобы нас в эту черствую землю сажали.
Дети тоже не просят, чтоб их рожали.

По переулку баба Дуня и баба Сара
домой по две кошелки несут с базара.
— Дуня, скажите, почему вы рыбу берете?

Трамвай гремит и взвизгивает на повороте.

* * *

вдоль нового рынка идет николай нидворай
несет мешок в мешке стеклотара звенит
живи не тужи бутылочки собирай
жарит летнее солнышко забравшись в самый зенит

девушка спросит пивка отойдет от лотка
высосет николай нидворай смотрит исподтишка
бутылку поставила к дереву и оставила два глотка
дай ей бог здоровьечка и послушного женишка

железные створки вход в глубокий подвал
ящик на ящике голая лампочка под потолком

на сдаче сидит мужик финикийский ваал
телок телком и рожа хрен с молоком

авось отслонит николаю пятерик за труды
гад кашалотовы зубы китовы усы
а там над подвалом благодать мясные ряды
бычьи головы гири окровавленные весы

* * *

Маленький магазин.
Рыбий взгляд продавщиц.
Стопка проволочных корзин.
Тьма ненужных вещиц.

Кассовый аппарат
кажет чек-язычок.
Фиолетовых цифр парад.
Щелчок и опять молчок.

Пластиковый кулек,
пластмассовый потолок.
Мертвый неоновый свет.
Просторно, а места нет.

Ни в лавке, ни в горсаду,
не вспомнишь, где этот сад,
ни в раю, ни в аду,
ни под солнцем, ни над.

Ни вовне, ни внутри,
ни памяти ни о ком.
Сплюнь окурок и разотри,
как танцуют твист, каблуком.

Придурок торчит на углу.
Окурок на мостовой.
Проведи ножом по стеклу:
кто говорит с тобой?

* * *

Двухэтажные дома, квадратные двory,
белые колодцы посреди дворов,
спор домохозяйек, гомон детворы,
Илюшенька плачет, чтоб он был нам здоров,

чтоб вырос нам большой, умный как талмуд,
чтоб закончил мукомольный или политех,
чтоб диплом был красный — люди не поймут,
если будет темно-синий, как у них, у всех.

Чтоб от армии отсрочка или белый билет,
чтоб нетронутая девочка, прозрачная фата.
чтоб квартиру получили через несколько лет,
чтоб с детьми не торопились — обстановка не та,

чтобы в комнатке одной не жались втроем,
чтоб морковка, курочка, прозрачный бульон,
чтобы старшим инженером, чтоб как мы живем:
хорошее времечко, жаль — плохой район.

